

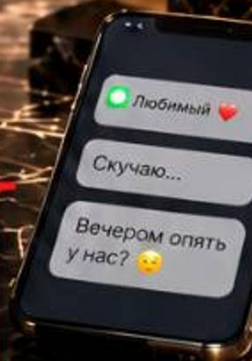
КАМИЛА ЛЕВИТАН

РАЗВОД

ЗАЯВЛЕНИЕ В СУД

Развод с предателем.

Вы оба заплатите за ложь!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Вы
оба заплатите за ложь!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Вы оба заплатите за ложь! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Я вернулась из командировки и застала мужа в нашей спальне. С моей лучшей подругой! Десять лет дружбы. Десять лет брака. И всё оказалось ложью. Пока я строила нашу компанию, Артём и Лена готовили документы, чтобы подделать мою подпись, вывести миллионы и выставить меня сумасшедшей! Они были уверены, что я расплачусь, подпишу бумаги и исчезну из их жизни. Но просчитались. Я — финансовый директор. И прекрасно знаю, куда уходят деньги! Теперь у меня есть независимый аудитор, тайные записи и доказательства их махинаций. Вы хотели украсть мой бизнес и мою жизнь? Тогда приготовьтесь потерять всё, что считали своим!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Камила Левитан

Развод с предателем. Вы оба заплатите за ложь!

Глава 1

Поезд из Питера опоздал на сорок минут. За эти сорок минут я дважды проверила сообщение Артёма про ужин и подсчитала, успею ли разобрать сумку до полуночи. Поезд, такси, квартира, душ, лапша. Дома можно будет снять туфли, поставить телефон на зарядку и наконец перестать смотреть на часы. Мне хотелось именно этого, а не премии за квартал и не ещё одного удачного контракта.

Мысли о доме грели сильнее, чем термос с остывшим кофе в сумке. Артём обещал заказать китайскую лапшу. Лена обещала прислать финальный драфт отчета по кварталу. Я заранее собиралась похвалить его за лапшу: он неизменно жаловался, что я замечаю только забытые поручения. А Лене — написать спасибо, если она действительно прислала драфт без последней пачки правок. Маленький домашний вечер, в котором от меня никто ничего не требует. Я даже не знала, как соскучилась по нему, пока не увидела в окне такси наш подъезд.

Ключ повернулся в замке с привычным щелчком. Тишина.

Обычно дома пахло жареным кунжутным маслом и свежим хлебом. Сейчас воздух был стерильно чистым, с едва уловимой примесью чего-то сладковатого. Не моего парфюма. Не его одеколона. Этот сладкий запах я уже встречала в офисе: он задерживался возле моего стола после того, как Лена уходила с чашкой. Сейчас он был здесь, в прихожей. Я ещё могла объяснить его визитом по работе. Именно за это объяснение и уцепилась.

Я поставила дорожную сумку в прихожей. Каблуки застучали по паркету — глухо, ритмично, как маятник. Сердце начало биться чуть чаще. Усталость, вокзал, недосып — я перебрала всё, что могло объяснить дрожь. На работе у меня бывали дни, когда от цифр расплывались строки, но замок и собственный паркет оставались знакомыми. Здесь я вдруг не могла заставить себя снять туфли. Стояла посреди прихожей с сумкой у ног и прислушивалась.

Свет в гостиной я оставила выключенным. Если бы зажгла, пришлось бы окликнуть Артёма, спросить про еду, сразу получить ответ. До спальни оставалось несколько шагов. Я всё ещё шла туда как домой, с глупой мыслью о душе и о том, куда положу чистую рубашку на завтра.

Дверь спальни была приоткрыта. Щель в три сантиметра. Из нее сочился тусклый желтый свет ночника. И звук. Скрип кровати. Тихий, но отчетливый. Как скрип старого дерева под весом двух тел.

Я замерла. Рука, тянувшаяся к дверной ручке, повисла в воздухе. Секунда. Две. Три. Я ждала, что сейчас откроется дверь и Артём скажет, что это шум соседского ремонта, или галлюцинации, или розыгрыш. Он любил шутки. Глупые, плоские шутки.

За дверью кто-то тихо засмеялся. Я различила этот смех и перестала ждать объяснения про соседей. Только не могла заставить руку опуститься на ручку: пока дверь закрыта, ещё можно выдохнуть и отойти.

Я толкнула дверь плечом. Медленно. Чтобы не выдать себя резким движением. Чтобы дать мозгу возможность отвергнуть увиденное.

Свет ударил в глаза. На тумбочке, над его стоптанными мокасинами, лежали мои ключи от гаража. Те самые, которые я искала весь день в прошлый четверг, ругаясь на все корки. Артём говорил, что видел их на кухне. Я проверяла кухню. Они были здесь. В спальне.

Рядом с ключами лежал телефон. Розовый чехол с блесками. Чужой. Я узнала его мгновенно, хотя сердце пропустило удар. Телефон Лены. Тот самый, который она «потеряла» неделю назад на корпоративе. Мы искали его всем отделом. Она плакала в трубку, просила помочь восстановить данные. Я даже предложила ей новый смартфон за свой счет. Она отказалась. «Это подарок мамы», — сказала она тогда.

На экране телефона горело уведомление. Я ввела знакомый код: Лена не меняла его с тех пор, как просила меня восстанавливать данные. Тогда я отворачивалась от личных сообщений. Сейчас открыла переписку. Пусть хоть на весь офис расскажет, какая я невоспитанная.

Мои руки дрожали, когда я взяла телефон. Пластик был теплым. Остаточное тепло чужого тела. Чужих рук. Чужих губ, если они держали этот аппарат перед тем, как положить его сюда.

Я открыла чат с надписью «Артём *эמודзи сердечко*».

«Она уже почти подписала доверенность, ждем тебя завтра», — гласило последнее сообщение от Артёма. Ответ Лены, отправленный пять минут назад: «Готова. Хочу увидеть, как она рухнет».

Время. 21:43. Дата. Сегодня.

Я перечитала ответ Лены. Сначала целиком, потом отдельно последнее слово. Рухнет. Она выбрала его для меня, пока я ехала домой и собиралась поблагодарить её за отчёт. У холодильника сработал компрессор; этот обычный кухонный гул оказался невыносимым. Дом продолжал делать всё, что делал вчера. Только я больше не понимала, где мне в нём стоять.

Я провела большим пальцем под носом. Если сейчас заплакать, экран станет мутным, а мне нужно успеть снять обе реплики, пока никто не забрал телефон. Я упёрла локоть в край тумбочки. Пластик скользил в ладони, и я боялась уронить чужой аппарат прежде, чем успею снять переписку. Я достала свой телефон. Сфотографировала экран чужого телефона. Потом еще раз, ближе. Чат, время, имя контакта — всё должно было читаться. Я увеличила снимок на своём экране. Буквы читались. Этого было мало, чтобы понять сделку, но достаточно, чтобы завтра никто не объяснил мне, будто я придумала слово «рухнет» от усталости.

Звук шагов за спиной заставил меня вздрогнуть. Не резко, не испуганно. Я обернулась.

Артём стоял в дверном проеме. Голый по пояс. Его кожа блестела от пота. Волосы были растрепаны. Лицо выражало не смущение, не вину, не ужас. Раздражение. Так смотрят на сломанный принтер, который опять зажевал бумагу посреди важного совещания.

— Марина? — его голос был хриплым от сна... или от чего-то другого. — Ты рано. Командировка закончилась?

Я ждала хоть одного движения навстречу: чтобы он прикрыл собой постель, схватил рубашку, перестал смотреть на меня так сердито. Вместо этого Артём потёр лицо ладонью и ждал ответа про командировку. Отвечать ему я почему-то должна была первой.

Я смотрела на него. На его широкие плечи; я знала даже татуировку на лопатке, которую он делал мне назло, чтобы «разбавить серость офиса». На его лицо, которое я целовала тысячи раз. Это лицо стало чужим. Маской. Декорацией для спектакля, который я случайно увидела за кулисами.

— Ты забыл закрыть дверь, — сказала я. Голос звучал ровно. Ледяно. Ни ноты фальши. Ни трещины в эмоциях.

Артём моргнул и оглянулся в спальню. Я проследила за этим быстрым движением: ему важно было, слышит ли Лена. За столько лет я научилась по его паузам понимать, когда он подбирает слова для совета директоров. Сейчас он собирался сделать это со мной.

— Мы обсуждали бизнес, — начал он, включая режим «гендиректора». Он сделал шаг навстречу, пытаясь сократить дистанцию, вторгаясь в мое личное пространство своим авторитетом. — Лена была здесь по работе. Срочный вопрос с подрядчиками. Ты же знаешь, мы часто остаемся после работы.

— Доверенность подписана вчера, — перебила я. Я прижала телефон Лены экраном к его груди. Он поймал аппарат, когда я убрала руку, и уставился сначала в переписку, потом на меня.

— Ты врешь мне, — продолжила я, глядя ему прямо в глаза. — И ей одновременно. Зачем вы ждёте мою подпись под следующей сделкой, пока я в командировке? Почему она хочет увидеть, как я рухну? Это у вас такой срочный вопрос с подрядчиками?

Он перестал держать телефон экраном наружу, прижал к себе. Мой вопрос про подпись оказался для него важнее того, что я застала их в спальне. Ещё минуту назад мне хотелось узнать, когда он впервые лёг с ней. Теперь я смотрела, как он прячет переписку, и вспоминала, какие бумаги подписала перед отъездом. Он оставил меня одну даже в этом: вместо ответа о браке пришлось проверять сделку.

Глава 2

Из-за его спины появилась Лена.

Она натягивала шелковый халат, завязывая пояс небрежно, демонстративно. Ее волосы были влажными. Она не выглядела смущенной. Она выглядела удовлетворенной. Как кошка, которая поймала мышку и играет с ней перед тем, как съесть.

Лена обошла Артёма и остановилась напротив меня. Она была ниже меня ростом, но смотрела сверху вниз. Высокомерно. Оценивающе.

— Марина, — произнесла она тихо. Ее голос был мягким, бархатным, тем самым голосом, которым она читала мне стихи на нашем выпускном десять лет назад. Голосом моей лучшей подруги. — Ты всегда была слишком педантична для счастья.

Фраза повисла в воздухе, тяжелая, как гиря.

«Слишком педантична для счастья».

Лена произнесла «счастье» и поправила пояс моего домашнего халата — я узнала его на ней только сейчас. Мне захотелось снять с неё эту вещь. Не спорить о том, умею ли я радоваться жизни, а вернуть себе хотя бы пояс, за который она держится с таким правом. Я стиснула пальцы, чтобы не потянуться.

Я посмотрела на Лену. На ее идеальные ногти, на ее улыбку, в которой не было ни капли тепла. На Артёма, который молча ждал, пока я сломаюсь. Пока я начну рыдать, умолять, требовать объяснений. Артём снова открыл рот, но Лена едва заметно качнула головой. Они уже умели договариваться при мне, обходясь без слов. Я заметила это и впервые подумала о завтрашней планёрке: там они попробуют говорить за меня так же.

Но я не была истеричкой. Я была финансовым директором.

— Вы ошиблись, — сказала я, глядя им в глаза по очереди. — Педантичность спасла вас обоих от банкротства последние три года. А теперь она спасет меня от вашего успеха.

Я развернулась. Каблуки снова застучали по паркету. Ритмично. Холодно. Я не оглянулась. Я знала, что они стоят там, в нашей спальне, среди наших вещей, и смотрят мне вслед.

Входная дверь квартиры хлопнула за мной. Резко. Глухо.

В подъезде было темно и пахло пылью. Я прислонилась спиной к стене лифта, чувствуя, как колени начинают предательски дрожать. Только сейчас. Только когда они остались за закрытыми дверями.

Тишина квартиры осталась позади, но ее эхо преследовало меня. Я услышала не стук своего сердца, обезумевшего от боли. Мне снова слышался тихий, победный смех Лены; в памяти стояло её лицо в зеркале гардероба. Этот смех звенел в ушах, четкий и ясный.

Я нажала кнопку первого этажа второй раз, хотя она уже горела. Не помнила, куда поставила дорожную сумку, и разозлилась на себя за эту мелочь. Она осталась там. Лапша тоже, если Артём вообще её заказал. Сейчас я не могла вернуться за вещами, зато могла сохранить фотографии и позвонить человеку, который завтра будет читать наши отчёты.

Лифт прибыл на первый этаж. Двери открылись. Я вышла в ночь, в холодный воздух Москвы, который обжигал легкие. Достала телефон. Набрала номер Виктора, главного аудитора головной компании, который должен был приехать завтра для проверки квартальных отчетов.

— Виктор, — сказала я, когда он ответил удивленным басом. — Нам нужно встретиться сегодня. Прямо сейчас. Артём ждёт мою подпись под сделкой, которой я даже не видела. Я хочу проверить документы, пока они не ушли дальше. Вы можете помочь?

Пауза на том конце провода длилась всего секунду. Я прикусила губу, пока ждала ответа. Дома Артём только что спросил, почему я приехала; этому человеку мне предстояло объяс-

нить, почему я не хочу подписывать следующую бумагу. Мне нужно было произнести это внятно, не попросить утешения вместо проверки.

— Я буду ждать тебя у входа в БЦ «Башня Федераций», — сказал Виктор. Его голос изменился. Стал тверже. До этого я была для него фамилией под квартальным отчётом. Теперь он спросил адрес и время — без единого вопроса о том, почему я звоню ночью. За это я уже была ему благодарна.

Я повесила трубку. Посмотрела на свое отражение в стекле двери подъезда. Тушь размазалась? Нет. Я водостойкая. Все, что у меня есть, водостойкое. И прочное.

Они взяли мои ключи от гаража. Они забрали мой дом. Они отняли у меня мужа и подругу — оба живы, оба стоят сейчас в моей спальне и ждут, когда я начну умолять.

Но они забыли главное.

Я умею восстанавливать балансы. И я умею находить скрытые активы.

Ночь была долгой. Но я не спала. Я планировала.

У двери переговорной пахло Леной. Её «Black Opium» опережал её на несколько шагов; раньше я по этому запаху понимала, что она принесла мне кофе. Сегодня хватило одного вдоха, чтобы снова увидеть пояс халата в её пальцах. Я стояла у стеклянных дверей переговорной комнаты «Аврора», вцепившись пальцами в дверную ручку так, что побелели костяшки. Внутри уже сидела вся команда. Артём занимал главный стул, раскинув ноги в дорогой обуви, а Лена юлила рядом с ним, подкладывая ему салфетку. Их колени соприкасались под столом. Стеклянный стол ничего не скрывал. Лена чуть подалась к нему и даже не отодвинула ногу, заметив меня за дверью.

Мне хотелось войти и спросить Лену при всех, понравился ли ей мой халат. А потом схватить за волосы, когда она станет улыбаться, и наконец услышать от неё что-нибудь, кроме ласковых советов. Я так сильно сжимала ручку двери, что металл оставил полосу на ладони. Но я знала: если я сейчас сорвусь, я стану той самой «истеричкой», которую они уже описывают в своих мемуарах для инвесторов. Они ждут этого. Запишут скандал, принесут запись на совет и будут добиваться моего отстранения. Должность, подпись, доступ к счетам — им нужен весь комплект. За мои доли возьмутся следом.

Я разжала пальцы по одному. Лена подняла голову, заметив меня, но осталась возле его кресла. Пусть. Мне нужно было сесть напротив и открыть таблицу прежде, чем они скажут за меня, почему я сегодня не работаю. Я толкнула дверь. Она открылась бесшумно, но звук шагов моих туфель по ламинату был оглушительным. Коллега у двери подвинул чашку, освобождая край стола. Двое перестали шептаться. Никто не произнёс моего имени, и от этой осторожности захотелось выйти обратно: они уже что-то знали. Я положила ноутбук на своё обычное место напротив Артёма. Стул был свободен, хотя меня, кажется, успели списать.

— Доброе утро, господа, — мой голос звучал ровно, даже слишком ровно. Как метроном. — Прошу прощения за задержку отчета. Я сверяла первичные документы. Отчёт будет через час. Точность до секунды гарантирую.

Артём посмотрел на Лену, потом на мой ноутбук. Ему пришлось повернуть ко мне кресло. Я дождалась этого движения: пусть обращается ко мне как к участнице совещания, а не обсуждает моё самочувствие с помощницей. — Марина, — начал он, но я уже села напротив, открывая ноутбук. — Что? — спросила я, не глядя на него, а фиксируя данные в таблице. — Ты выглядишь... напряженной. Может, стоит взять паузу? Я могу найти замену CFO на время отпуска. Для твоего же блага.

Слова «для твоего же блага» он произнёс тише, доверительно, оставив остальным только заботливую улыбку. Я могла начать объяснять, что спала мало, но справлюсь. Тогда всё совещание мы бы обсуждали мой сон. Вместо этого я открыла вкладку с показателями отдела и развернула экран к нему. Я медленно подняла взгляд и дождалась, пока он перестанет улыбаться. — Моя эффективность измеряется цифрами, Артем, а не моим пульсом, — произнесла

я четко, разрезая воздух словами, как скальпелем. — Если у тебя есть претензии к моим КРІ — предъяви их письменно. Устные намеки я не принимаю. И не путай должность генерального директора с правом распоряжаться моей карьерой.

Лена перестала складывать салфетку. Кто-то за столом кашлянул; коллега у двери замер возле своей чашки. Артём усмехнулся, но претензий к показателям не назвал. Я оставила таблицу открытой, чтобы каждый видел: я попросила цифры, а он сейчас ответит приказом. — Хорошо, Марина. Заседание объявляю закрытым. В кабинет. Сейчас.

Глава 3

В кабинете Артёма пахло кожей и мужским дезодорантом. Он демонстративно достал из ящика стола телефон Лены, положил его рядом с помадой того же оттенка, что был у неё вчера вечером. Потом достал свой телефон, включил громкую связь, набрал номер и, когда трубку взяли, сказал: — Привет, солнышко. Да, я занят. Поговорим позже. Люблю. Он отключился, не глядя на меня, и начал листать документы, игнорируя мое присутствие. Он чуть наклонил телефон ко мне, хотя я не просила слышать разговор. Помада лежала возле его руки, чужой телефон — рядом. Я слишком хорошо знала этот стол: раньше на таком месте лежали мои бумаги на подпись. Теперь он выставил то, что принадлежало Лене, и ждал, посмотрю ли я.

Я сглотнула. Больше всего мне хотелось спросить, с кем он говорит, если телефон Лены лежит передо мной. Даже сейчас я искала ещё одну женщину, потому что к этой боли была хоть как-то готова. Отвела взгляд на монитор — туда, где можно прочесть название файла, а не гадать по голосу, кого он назвал солнышком. На рабочем столе, среди папок, висело окно браузера. В адресной строке светилась ссылка на облачное хранилище, а на активном документе значилось название файла: «Draft_Agreement_Viktor». Виктор. Тот самый аудитор из головной компании, который должен был начать проверку сегодня. Я сама позвонила ему ночью. Но почему его имя стоит в проекте соглашения Артёма? Или речь идет о чем-то другом? О схеме вывода активов через фиктивные сделки с участием стороннего аудитора?

— Ты чего замерла? — спросил Артём, наконец удостоив меня взглядом. — Проверю свои заметки, — ответила я, делая вид, что читаю распечатку перед собой. — Кстати, насчет доверенности на передачу прав аренды в бизнес-центре «Галактика». Там требуются подписи обеих сторон. Я не получала проект договора. Артём на мгновение замялся. Всего долю секунды, но я поймала этот ступор. — Позже пришлёт секретарь.

«Позже». То есть никогда. Или когда будет поздно. Я кивнула, собрала вещи и вышла. В опенспейсе царил обычная офисная суета: звонки, шелканье клавиш, гул принтеров. Я остановилась возле своего стола, перечитывая записанное название файла. Соглашение с Виктором. Артём даже не закрыл его, когда я вошла. Возможно, для него всё было настолько решено, что жене уже можно было ничего не прятать. Мне же предстояло проверить человека, которому ночью позвонила первой.

У моего стола уже ждала Лена. Она держала в руках стакан мутного травяного настоя. На дне плыли чайники, темные и длинные, похожие на свернувшуюся кровь. — Ты бледная, Марин, — сказала она мягко, её голос лился медом, сладким и липким. — Выпей. Это успокоительное травяное. Я специально для тебя заварила. Ромашка, мята, валериана.

Она протянула стакан. Её пальцы были холодными. Ромашка пахла вполне обычно. Именно это и было хуже всего: я ещё вчера могла выпить такой настой из её рук, не спросив, что внутри. Теперь боялась даже привычной валерианы. После обеда мне нужно было понимать каждую строчку, а не зевать перед советом под её сочувствующее «я же говорила, ей нужен отдых». Сердце колотилось где-то в висках. Схватить стакан и разбить об её лицо. Нет. Я взяла стакан. Пальцы коснулись её кожи. — Спасибо, Лена, — улыбнулась я. — Очень внимательно с твоей стороны. Она просияла: я приняла стакан, как будто между нами по-прежнему всё было хорошо. — Пей, пей. Тебе нужно расслабиться.

Я отвернулась к монитору. Лена отошла, продолжая улыбаться коллегам. Я посмотрела на фикус в углу кабинета. Огромное растение с широкими листьями. Заслонив горшок собой, я перестала печатать, поднесла стакан к земле и вылила содержимое. Чайники осели во влажном грунте. Затем я достала свой термос с чистой водой. Открыла крышку. Глотнула. В тёмной рамке монитора отражалась Лена. Она пила сок и наблюдала за мной. Наши глаза встретились

в зеркальном отражении. Она увидела пустой стакан на моем столе. Я увидела тень недоумения на её лице. Я подняла палец вверх, показывая, что все отлично. И продолжила работать.

Обед я проводила в ресторане при бизнес-центре. Артём настоял. «Нам нужно поговорить по душам, Марина», — сказал он утром. За столиком у окна, откуда открывался вид на московскую перспективу, царил полумрак. Мы заказали вино. Артём говорил много, красиво, используя те же интонации, что и десять лет назад, когда мы только начинали вместе строить империю. Он накрыл мою руку на скатерти и большим пальцем провёл по костяшкам. У этого движения была старая, ещё вчера верная расшифровка: он рядом, он за меня. Я смотрела, как официант ставит бокалы, и не могла сразу отнять ладонь. При постороннем человеке хотелось хотя бы на секунду сохранить то, чем мы выглядели. — Помнишь, как мы праздновали первую сделку? — спрашивал он, глядя мне в глаза с наигранной нежностью. — Тогда мы были непобедимы. Я хочу вернуть то время. Я хочу, чтобы ты доверяла мне снова.

Официант отошёл. Артём погладил меня снова, будто уже получил ответ. Откуда он знал, что именно первая сделка заставит меня вспомнить нас прежних? Мне стало стыдно за эту секунду на скатерти. Я напрягла пальцы, приготовившись убрать ладонь, если он попытается её сжать. — Артём, — перебила я, убирая руку под стол изящным движением, будто отгоняя муху. — Если мы говорим о чувствах, то мои чувства требуют компенсации за моральный ущерб. Давай перейдем к делу. Что именно ты хочешь от меня сегодня? Подписать бумаги задним числом? Или просто убедиться, что я достаточно заторможенная, чтобы согласиться на твои условия?

Артём помрачнел. Его лицо исказилось от злости, которую он пытался скрыть за маской оскорбленной добродетели. — Ты стала параноидальной, Марина! — повысил он голос, привлекая внимание соседей по столикам. Официант замер в метре от нас, готовый вмешаться. — Я строил этот бизнес для НАС! Для нашего будущего! А ты смотришь на меня как на врага. Это неблагодарность. Это истерика.

Он говорил всё громче, но смотрел не только на меня: проверял, обернулись ли соседи. В таком ресторане можно было устроить сцену и назвать её заботой о больной жене. Я увидела, как официант отвёл глаза, и поняла, что потом будут помнить его голос, если я сейчас сорвусь на крик. Я выдержала его взгляд. За соседним столом перестали разговаривать; Артём это тоже заметил. — Тише, любимый, — понизила я голос до шепота, заставляя его наклониться ближе, чтобы услышать меня сквозь шум ресторана. — Ты забываешься.

Я наклонилась к нему, вторгаясь в его личное пространство, чувствуя запах его дорогого табака и чужих духов. — Знаешь, что написано в переписке Лены на её телефоне, который она потеряла неделю назад? — спросила я ровным, мертвым тоном. Артём замер. Его ноздри расширились. — «Она уже почти подписала доверенность, ждем тебя завтра», — процитировала я фразу, которая жгла мне память с прошлой ночи.

Артём откинулся так резко, что стул скрипнул. Вилка выпала из его пальцев; он потянулся за ней, промахнулся и наконец посмотрел на соседний стол. Я произнесла реплику тихо, но он всё равно боялся, что её услышали. Эта неловкая рука над тарелкой доставила мне больше удовольствия, чем любая из его красивых речей за обедом. — Кому ты это показала? — прохрипел он. — Марина, я спрашиваю: кому?

Я выпрямилась, поправляя манжету рубашки. Под скатертью я прижала ладонь к колену. Мне нужно было подняться без суеты, хотя ноги ещё дрожали. Он спросил, кому я показала переписку. Значит, о том, что именно в ней написано, мы больше не спорим. Я запомнила его вопрос дословно. — У меня есть источники, которых ты недооценил, любимый муж, — произнесла я, улыбаясь впервые за день искренне, холодно и опасно. — Но это не важно. Важно то, что я теперь знаю цену твоей лояльности. И она ниже нуля.

Я встала из-за стола. Бросила на него последний взгляд — взгляд человека, который видит жука под лупой. — Счет оставь себе. Мне больше нечего обсудить с человеком, который торгует мной.

Я развернулась и пошла к выходу. Шаг за шагом. Спина прямая. Голова высоко. За спиной я слышала его тяжелое дыхание и скрип стула, когда он попытался встать. Но он не решился пойти за мной. Пока не решился.

Лифт спускался вниз с мерным гулом. Двери отражали моё лицо: бледное, с потемневшими кругами под глазами, но живое. Живое и злое. Вибрация телефона в кармане брюк заставила меня вздрогнуть. Я достала аппарат. Неизвестный номер. SMS. «Вы были великолепны. Виктор ждёт вас в машине на паркинге. У него есть то, чего вам не хватает — доказательства».

Я перечитала сообщение до конца. Хотелось немедленно поверить отправителю: кто-то видел мой разговор и называл меня великолепной, а не больной. Но номер был неизвестным. Я оставила экран открытым, чтобы, если в машине действительно сидит Виктор, сначала показать ему это приглашение. Двери лифта раскрылись, выпуская меня в прохладу подземного гаража. Я шла к выходу, и каждый шаг отдавался эхом в пустоте. Игра началась.

Глава 4

К вечеру я трижды обновила страницу архива. Сначала решила, что ввела пароль с ошибкой, потом проверила раскладку. Возле окна жарила батарея, а над моим столом дул кондиционер; я растирала пальцы и снова тянулась к мыши. Дома меня ждал Артём, и впервые за все годы я не хотела заканчивать работу. Экран монитора светился красным уведомлением: «Access Denied». Папка «Raw_Data_Q3» была закрыта для меня наглухо. Войти в систему удалось, но права на эту папку остались только у CEO. Артём знал, что я буду лезть в архивы, и заранее перекрыл кислород.

Я набрала номер Лены. Перед вызовом я дважды проговорила просьбу без звука. Нужно было спросить о файлах так, чтобы она захотела помочь той Марине, которой ещё можно сказать «не бери в голову». Голос пришлось опустить: когда я злилась, Лена замечала это быстрее остальных. — Лен, привет. Извини, что беспокою. Артём опять забыл дать мне права на черновики по кварталу, а мне нужно сверить одну строчку перед завтрашним звонком акционерам. Можешь выгрузить? Она не ответила сразу. Я слышала только дыхание и старалась не подсказать ей новое оправдание. Лена могла спросить меня о нужной строке. Вместо этого взялась объяснять, что сказал Артём. — Марин, ты себя изматываешь, — её голос звучал мягко, почти матерински. — Артём сказал, что эти цифры вообще не нужны для аудита, он сам разберется. Не грузи голову. Давай лучше закажем пиццу после работы? Ты же обещала ужин вместе. Она произнесла «ты же обещала» с той обидой, на которую я обычно отвечала немедленным согласием. На пиццу мне было плевать; лишь бы вместе с приглашением пришла таблица. Я заставила себя подхватить разговор про ужин, не добавляя ни одного вопроса о вчерашнем. — Хорошо, закажем. Пришли файлы, пожалуйста. Я правда хочу закрыть вопрос сегодня. Лена согласилась. Через десять минут прилетели документы. Открыла таблицу, поставила курсор в первую нужную строку и по привычке ткнула в ячейку: может быть, значение скрыто форматированием. В строке формул было то же самое — «XXX-YYY-ZZZ». Ни суммы, ни контрагента. Лена выбрала ровно те расходы на консалтинг, к которым мне сейчас нужно было вернуться. Голосовое сообщение от Лены: «Марин, посмотри внимательно. Может, это баг системы? Артём говорит, что ПО обновилось криво. Просто закрой файл и иди домой. Тебе нужен отдых». Она действовала по инструкции. Я сохранила и файл, и её голосовое сообщение. В свойствах таблицы последним редактором значилась Лена. Этого было мало, чтобы доказать подделку: она могла просто пересохранить файл. Но теперь у меня была конкретная версия, которую она прислала, и её просьба закрыть таблицу вместо проверки. Вчера она говорила со мной о заботе, сегодня прятала от меня суммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.